

В. И. Пефтиев**Ф. М. Достоевский как публицист**

В статье реализуется концепция диалогичности М. М. Бахтина на особом материале – публицистике Ф. М. Достоевского 40–70-х гг., прежде всего в «Дневнике писателя». Показаны роль и место публицистики в наследии писателя как особой деятельности, обозримой через прототипы, собственные жанры, детали и подробности в письмах и личных контактах. Обозначены идеи Достоевского, актуальные и для начала XXI в. Вовлечены в научный оборот воспоминания Достоевского о себе и писателях-современниках (Белинский, Герцен, Некрасов).

Ключевые слова: диалогичность и диалог, публицистика Ф. М. Достоевского, «Дневник писателя», психоанализ.

V. I. Peftiev**F. M. Dostoevsky as a Publicist**

In the article the concept of dialogicity of M. M. Bakhtin is implemented on the special material – F. M. Dostoevsky's journalism of the 40–70-s years, first of all in «The Writer's Diary». The role and the place of journalism in heritage of the writer as a special activity, foreseeable through prototypes, own genres, details and specifics are shown in letters and personal contacts. Dostoevsky's ideas, urgent even in the beginning of the 21st century, are designated. Dostoevsky's memory lane about himself and writer-contemporaries (Belinsky, Herzen, Nekrasov) are involved into the scientific turn over.

Keywords: dialogicity and dialogue, F. M. Dostoevsky's journalism, «The Writer's Diary», psychoanalysis.

Вода в стакане прозрачна,
Вода в море темна.

У маленьких истин есть ясные слова,
У великой истины – великое безмолвие.
Рабиндранат Тагор

(1861–1941)

[Цит. по: 12, с. 339]

Федор Михайлович Достоевский (1821–1881) – личность многократно травмированная: болезни (эпилепсия, истерия, гипертония), разлад между отцом и матерью и семейные тайны... Ошеломляющий успех дебютанта («Бедные люди», 1845). Участие в кружке М. В. Петрашевского-Буташевича (1844–1849). Ожидание казни (22 декабря 1849 г.), затем четырехлетняя каторга и, наконец, рядовой с надеждой на получение чина унтер-офицера (1856). Возвращение в Петербург (1859) и вхождение в мир литературных интриг. Судебные тяжбы (дважды) из-за раздела наследства. Явная и скрытая полемика (зачастую недружественная) вокруг цикла романов («Идиот», «Бесы», «Братья Карамазовы» и др.). Триумф Пушкинской речи (8 июня 1880 г.). Предчувствие смерти и кончина [3, 4, 13].

Биография и сочинения Ф. М. Достоевского вызывали в прошлом и вызывают сегодня разногласия (зачастую полярные) оценки современ-

ников и последующих поколений писателей, читателей, литературоведов, психоаналитиков¹. Самая емкая формула о Достоевском принадлежит, на наш взгляд, З. Фрейду (1856–1939): великий художник, невротик, моралист, и грешник [14]. Автор статьи осознанно дистанцируется от персональных высказываний по биографии и творчеству гения России. Меня заинтересовала полузабытая грань его жизненного подвига – Достоевский как публицист. В соответствии с этим замыслом, после краткого обзора места публицистики в наследии Достоевского, систематизируем и обобщаем (разумеется, кратко) его взгляды на а) поведение человека в эпоху перемен и б) воспоминания писателя о себе и современниках, то есть в парадигме дискурса. В статье апробирован алгоритм «мелких наблюдений» (А. Л. Бем, 1886–1945) [2, с. 19] в рамках биографического метода, изучения экзистенциальных развилок писателя.

Публицистика в наследии Ф. М. Достоевского

Публицистика Достоевского – это данность, зримая и осязаемая реальность (в текстах), но данность, с одной стороны, многоликая и текучая, и неоднозначно воспринимаемая как самим автором в хронотопе своей жизни, так и чужими (ближайшим окружением, коллегами-

соперниками, литературными критиками) – с другой.

Публицистика Достоевского – это особая деятельность (профессия), обозримая тройко: а) в повестях и романах через прототипы (узнаваемые и не раскрытые до сих пор); б) в собственных жанрах публицистики (очерки, репортажи, эссе, заметки) и в) через детали и подробности в письмах и личных контактах.

Ф. М. Достоевский как публицист предстает профессионалом, овладевшим в конечном счете самыми эффективными приемами полемики (ирония, сарказм, гротеск, смех язвительный, игра на неудачных выражениях и оплошностях оппонентов). Издержки публицистики нам очевидны по собственному опыту.

Ранний Достоевский. Черета событий и страстей. Общедоступные «пятницы» в кружке Петрашевского. Лукавство дебютанта, «нового Гоголя» с выбором издателей для «Бедных людей» («Петербургский сборник», вотчина Белинского) и «Двойника» («Отечественные записки» А. А. Краевского). Обнаженный макиавеллизм в письме брату 1 февраля 1846 г., в день выхода «Двойника»: «Сунул же я им собачью кость! Пусть грызутся – мне славу, дурачье, строят» [3, с. 388]². Зачинщики бескорыстной приятельской травли (Н. А. Некрасов, И. И. Панаев, И. С. Тургенев), которую спустя много лет (1855, 1880) он вспоминал не без содрогания [8, с. 392]. Неадекватность поведения Достоевского в светских салонах. Обновленный «Современник» без Достоевского, ссора с Н. А. Некрасовым. Отдаление от В. Г. Белинского. Арест и следствие, остальное общеизвестно [4, с. 377–457].

Внутренний мир *Достоевского 50-х гг.* (острог «Семипалатинск») «наглухо закрыт» (Г. С. Померанц). Он слегка приоткрылся в письме Достоевского Наталье Фонвизиной (20-е числа февраля 1854 г.), подарившей ему по дороге на каторгу Евангелие: «...я сложил в себе символ веры, в котором все для меня ясно и свято. Этот символ очень прост: верить, что нет ничего прекраснее, глубже, разумнее, мужественнее и совершеннее Христа... Мало того, если б кто мне доказал, что Христос вне истины, и действительно было бы, что истина вне Христа, то мне лучше хотелось бы остаться со Христом, нежели с истиной» [12, с. 14]. С минуты ожидания смерти (театрально разыгран по велению Николая I) начался настоящий Достоевский (Г. С. Померанц). Заветы Христа в романах До-

стоевского высоко ценят российские и зарубежные исследователи³.

Достоевский в 60-е гг. Это десятилетие Людмила Сараскина, автор биографии Ф. М. Достоевского в серии «Жизнь замечательных людей» (2011), озаглавила «Тоска по текущему» [13, с. 339]. Пойдем по ее путеводителю. «Писатель с ореолом мученика возвращается в профессию и сразу был принят в тот круг, к которому хотел принадлежать смолоду» [13, с. 341]. Л. Сараскина ссылается на Н. Н. Страхова: «Федор Михайлович любил журналистику и охотно служил ей...» [13, с. 345]. Федор Достоевский (вместе с братом Михаилом) был издателем, редактором и автором журналов «Время (1861–1863) и «Эпоха» (1864–1865). В объявлении об издании журнала «Время» (написано Михаилом) заявлено: «Наш журнал не будет иметь никаких нелитературных антипатий и пристрастий... Мы не уклоняемся от полемики» [13, с. 347]. За четыре года в этих журналах было опубликовано ровно столько, сколько написано, включая «Униженных и оскорбленных» и «Записки из Мертвого дома» [13, с. 347]. В середине мая 1862 г. Достоевский отличился неприятием радикализма прокламации «Молодая Россия» («В топоры!») и посетил Н. Г. Чернышевского для получения разъяснений [13, с. 361, прим.]. В 1864 г. Достоевский пережил кризис подписки на журнал «Эпоха» (осталось только 1 300 подписчиков), падение на 75 процентов [13, с. 396]. В некрологе об А. А. Григорьеве (его статьи придавали журналу «Эпоха» вес и цвет, сентябрь 1864 г.) Достоевский разъяснил обязанность всякого критика – не только иметь твердые убеждения, но уметь и проводить свои убеждения. А эта-то уместность проводить свои убеждения и есть главная суть всякого публициста» [7, с. 399, прим.].

«Дневник писателя» (1873, 1876–1877, 1880)

Отзывы современников и ученых о публицистике Достоевского в целом и «Дневнике писателя» (ДП) неоднозначны и разнонаправленны. Сошлемся на отдельные высказывания, на наш взгляд, актуальные и для начала XXI в. Нигилизм к публицистике Достоевского, помимо недоброжелателей при жизни, чаще всего связывают с первым поколением советских литературоведов, конкретно – с В. Ф. Переверзевым (1882–1968), автором монографии в духе марксистской социологии («Творчество Достоевского». – М., 1912). Ему принад-

лежит вульгарная формула: Достоевский – поэт не просто города, а городских углов, где ютятся городское мещанство. В «Дневнике писателя», мол, «не выдернуты белые нитки, не заутюжены швы, на которых сомкнуты художественная и публицистическая ткани». Благожелательный подход к публицистике Достоевского наступил лишь в конце 20-х гг. по инициативе В. А. Десницкого (1878–1958) [6, с. X, III–XXVI]. В 1989 г. «Избранные страницы» из ДП изданы со вступительной статьей Б. Н. Тарасова («Отчет о виденном, слышанном и прочитанном») [7, с. 5–34]. До и после изданий ДП исследователи не забывали спорить или соглашаться с тезисами и аргументами Достоевского как публициста; в постсоветской России эта историография приобретает самостоятельный статус (монографии и диссертации)⁴.

Сформулируем и авторское видение «Дневника писателя». Конгломерат текстов с гибридной жанровой принадлежностью (не исключая заметок журналиста на злобу дня) и без видимого задания на достижение цельности. Такое впечатление складывается из-за разноголосицы мотивов данного проекта начала 70-х гг., то есть сочинения зрелого и уставшего Достоевского и как пауза от напряжения после редактирования «Бесов» и «Братьев Карамазовых». Перечень мотивов внушительен. Постоянная нужда в деньгах (старые и новые долги, длительное пребывание в Европе, новая семья, издатели-хищники). Привычка писать много, остро и до износа. Желание понравиться читателю, общественному мнению (отдельные выпуски до 6 тысяч экземпляров). Идея-фикс не покидала Достоевского нигде и никогда – сказать последнее слово, быть абсолютным авторитетом. Такова «надводная» часть писательского «айсберга», без учета кардинальных поворотов в методологии литературоведения.

«Революции» литературоведения – это раритеты высочайшего мастерства, штучные артефакты, по индивидуальной шкале ценностей. Статус «революции», вне сомнения, без натяжек можно присвоить концепции М. М. Бахтина о полифонии и диалогичности романа (во множественном числе) Ф. М. Достоевского. Он умел слышать голоса свой эпохи, давать образы идей, организовать оркестровку темы [1]. Но М. М. Бахтин предельно критичен к публицистике Достоевского: «рядовой публицист своего времени», а письмо к реальному адресату было наиболее чуждым ему («ненавист-

ным») словесным жанром [1, с. 325]. Эта асимметрия в оценках романа и публицистики, наверное, наложила тень на углубленное изучение «Дневника писателя» на протяжении длительного периода (30–80-е гг. XX в.). Не случайно даже пронизательный Г. С. Померанц пишет о монологичности в «Дневнике», статьях и заметках. Книга под названием «Исповедь великого грешника» была задумана, никогда не писалась, дальше замысла дело не пошло. Его благонамеренно-честное сознание «ослеплено полемикой, и непосредственного Христа знает только перо гения, которое (согласно поговорке) умнее его самого» [1, с. 332]. Не оспаривая несопоставимости романа и публицистики, попытаемся нащупать контуры и жемчужины не востребуемых размышлений Достоевского. Эта двойственность в оценке «Дневника писателя» подлежит разгадке.

Не востребуемые и/или переформатированные идеи Достоевского

«Дневник писателя» – это спонтанно-рукотворный поток слов и мыслей, то есть нечто близкое к будущему сюрреализму в понимании Г. Аполлинера и А. Бретона. В нем различимы три сюжета-дискуссии с незавершенным финалом.

Славянофилы и западники – столкновение цивилизаций. Пушкинская речь Достоевского (8 июня 1880 г.) и объяснительное слово к ней восприняты современниками как акт примирения («событие» в глазах И. С. Аксакова) между славянофилами и западниками [7, с. 519–522]. Примирение, как выяснилось вскоре, внешнее, эмоциональное, недолговечное. Новый виток раскола наблюдаем и на рубеже XX–XXI вв.: либералы («новые» западники) и государственники (неопочвенники). В чем же состоят истоки противостояния на многие поколения? И какие подсказки дает нам Достоевский, близкий к славянофилам, но вдумчивый мыслитель? Рассеянные по публицистике замечания, полагаем, плодотворны и конструктивны.

Взаимные и злые препирательства между обоими направлениями (идеологиями) предстают, по словам Достоевского, как «великие недоумения». Славянофилы, в конце концов, признали законность стремления западников в Европу с развитой экономикой и авангардными течениями в литературе и искусстве. Славянофилы (в том числе и Достоевский) заблуждались с прогнозами о неминуемой гибели (распада, разложения) Европы, которую не спасет и ее бо-

гатство. Эти выводы ныне не оспариваются; прозорливость Достоевского в другом.

Гений из России ставит перед западниками провокационные по форме, но уместные по существу вопросы. Что происходит с ними после длительного пребывания в Европе и отрыва от российской действительности? Почему радикальные западники становятся врагами (противниками, критиками) России? Чем объяснить призывы к жертвам молодежи из России ради чужого дела? [7, с. 249–256]. По третьему вопросу классический пример – позиция и действия Герцена в 1863–1864 гг. (восстания в Польше) [7, с. 39–40]. Добавлю и вопросы от себя: из-за чего у западников происходит разочарование и Европой, и Россией (феномен странничества, перекачки-поле, душевного опустошения)? Как складывается редкостный тип человека – «русский европеец»?⁵

Ответы западников на эти и смежные вопросы прямые: а) туманные и расплывчатые фразы о лидерстве Европы по сравнению с самодержавной Россией в таких сферах, как демократия, судопроизводство, свобода печати; б) универсальное (модель Европы) важнее особенного (самобытного) – случай России; в) жизненный опыт, образование и контакты с европейцами (Т. Н. Грановский, А. И. Герцен, И. С. Тургенев и др.). Эти доводы более или менее основательные, их нельзя «отметать с порога», но, полагаем, требуют перевода их в плоскость цивилизационных различий (по языку, религии, истории, географии, экономики, культуры и менталитета). Россия – особая часть Европы (тезис Екатерины Великой), занимающей срединное положение между Западом и Азией (гипотеза П. Я. Чаадаева). Различия цивилизаций между Россией и Европой – объективные, существенные, скрытые для той и другой стороны, что не может не вызвать столкновения, конфликты и трения (от личного плана до межгосударственных отношений). Столкновения цивилизаций переносятся и на российское общество: русский мир (почвенники) и ориентация на Европу.

Суд присяжных в России. Достоевский стал известен и даже знаменит благодаря репортажам из зала заседаний суда присяжных и обличительным речам по поводу судебных процессов. Этот цикл статей, очерков и заметок, на наш взгляд, воспринимается литературоведами как ярчайшее свидетельство сострадания Достоевского к униженным и оскорбленным. Между тем ситуация со взглядами Достоевского на

судебную систему России не столь однозначна и даже запутанна.

Впервые о миссии присяжных заседателей Достоевский заговорил в очерке «Среда» (1873). Они ощущают себя властью, лучше сказать, самовластью. Ощущение иногда пакостное, если преобладает над прочими... Присяжные, осуществляющие гражданский долг, проявляют манию оправдания, жалея губить чужую судьбу, человека. Достоевский видит способность быть гражданином – в способности возносить себя до целого мнения страны. Писатель не оправдывает преступления средой, которая заедает, философией «мы все виноваты». Он спорит и с теми, кто придерживается взгляда «не надо или рано одаривать таким даром» присяжных заседателей [4, с. 44–46]. Достойная позиция писателя-социолога.

В деле Кронберга, обвиненного в нанесении побоев малолетней дочери, Достоевский выступает лишь как моралист, но позволяет себе дискредитацию адвоката В. Д. Спасовича (1829–1906), выигравшего процесс. Достоевский пропустил месяц в судебных заседаниях. «Я был в негодовании на суд, на присяжных» (гнев – плохой советчик в суде даже в качестве журналиста. – В. П.). Достоевский оправдывает свою манеру поведения такими оговорками: «я не юрист», «это даже и не мысль, а так, все какие-то чувства», «заговорил не на свою тему» [7, с. 152–154, 156]. Без комментариев.

31 марта 1878 г. Достоевский присутствовал в ряду для прессы на процессе В. И. Засулич, обвиненной в покушении на жизнь градоначальника В. Ф. Трепова. Председательствовал в Петербургском окружном суде А. Ф. Кони (1844–1927). Суд присяжных оправдал молодую девушку, вступившую за честь и достоинство студента Боголюбова (его истязали в камере). Достоевский оказался в щекотливой ситуации. Круг Достоевского (Катков, Мещерский, Победоносцев) возмутились оправдательным договором. А. Ф. Кони в ответ на ликования левых и либералов мрачно возразил: «Вы ошибаетесь, это самый печальный день его (русского правосудия)». После оправдания Засулич все дела, связанные с покушениями на должностных лиц, были изъяты из ведения суда присяжных. М. Н. Катков выразился кратко: «Путь к 1 марта 1881 г. (убийству императора Александра II) был открыт 31 марта 1878 г.». Достоевский не высказал своего мнения публично [4, с. 30, 39, 40]. В последующие годы террори-

стов-революционеров не миловали, а отправляли на виселицу.

Краткий постскриптум от автора. Франц Фанон («черная кожа, белые маски») в 60-е и последующие годы выступал как теоретик насилия, нравственной обязанности обездоленных (манифест «Les Damnés de la terre»). Своими руками, он, кажется, никого не убил, но вдохновил многих [8, с. 337]. В годовщину терактов в Париже французская газета «Le Figaro» опубликовала обзор точек зрения на джихадизм и отметила разброд и шатания среди интеллектуалов (La guerre civile intellectuelle) [Le Figaro, 5–6 novembre 2016, p. 17].

Наказание или осуждение: вместе или раздельно? Болезненная для российского общества тема насилия над детьми и женщинами волновала Достоевского скорее в нравственно-философской плоскости (в сочетании с заповедями Христа), нежели в правовом ракурсе. В «Дневнике писателя» чувствуется духовное общение (часто по субботам после всенощной) с К. П. Победоносцевым в последнее десятилетие жизни писателя (с 1871/72 гг. и до кончины).

Отчего воздержимся от комментариев и суммируем тезисы и постулаты Достоевского [6, с. XXIV–XXVI].

«Нет, судите наш народ не по тому, что он есть, а по тому, чем желал бы стать» [8, с. 144].

«Зло таится в человечестве глубже, чем предполагают лекари-социалисты, что ни в каком устройстве общества не избегнете зла...» [8, с. 476].

Юридические формулы не годятся для оценки насилия (в любой форме) над человеком. Нет казни в православии; есть осуждение, а не наказание (кара) от имени общества и через суд. Жизнь – это высшая ценность.

Трактовка оригинальная, несовместимая с традиционными представлениями о власти, располагающей набором инструментов принуждения.

Поразмыслим о новациях в Евросоюзе и России. Отмена смертной казни. Различение домашнего насилия на уголовно наказуемое деяние и административные процедуры (общественные работы, задержания и штрафы).

Достоевский о себе и современниках-писателях

Исповедь – это загадка для философов, психологов, культурологов. Рассказ о себе, сочетающий свет и тени, монолог и диалог. Исповедь

может быть сокровенной, только для себя, беседой с совестью. Но она может быть материализована в тексте, словесной оболочке. Отсюда и разнообразие обозначаемого в словах: самость, самосознание, l'écriture de soi (письмо о себе). Достоевский о себе высказывается в «Дневнике писателя» и в письмах. Отдельный сюжет – Достоевский сам о себе в воспоминаниях современников.

Ф. М. Достоевский, как отмечалось во введении, – это травмированная с детства личность (убийство отца крестьянами). Эффекты последующих травм вытесняются в подсознание, с одной стороны, а не забытые обиды держатся в памяти – с другой. Именно этой двойственностью объясняется нежелание писать мемуары, хотя воспоминания прорываются то здесь, то там в «Дневнике писателя». Нельзя игнорировать и бытовую амнезию. Отсюда проистекает замкнутость, уязвимость, неадекватность. Напомним очерк «Нечто личное» (издание 1929 г.): «Память слаба. Грустно вспоминать. Я вообще не люблю вспоминать. Но некоторые эпизоды помню с чрезвычайной отчетливостью как анекдоты». Следует изложение глупой сплетни о повести «Крокодил», в которой якобы между строк звучала аллегория (с оттенком осмеяния) на Н. Г. Чернышевского. Ничего подобного. Повесть написана для смеха. Воспроизведена и беседа с Чернышевским относительно прокламации «Молодой гвардии». Вспоминается и очерк Н. С. Лескова на роман Чернышевского «Что делать?». Завершается очерк исповедью: «Мне досадно, что на этот раз заговорил о себе. Вот что значит писать литературные воспоминания; никогда не напишу их» [6, с. 29, 22–30] (подчеркнуто нами. – В. П.). Решение бесповоротное.

Замкнутость разрывалась в клочья в доверительных письмах, не предназначавшихся для публикации. Вчитаемся в исповеди Достоевского в разные годы.

Ореол мученика. Повторное вхождение в литературу и публицистику (1861–1865). Письмо Н. Н. Страхову из Рима 18/30 сентября 1863 г. Извлечения понятны и без подробных комментариев. «В Турине у меня иссякнули все мои деньги и я приеду в него *буквально без гроша*». «Теперь готового у меня ничего нет. Но составилась довольно счастливый (как сам сужу) план одного рассказа. Большею частью он записан на клочках <...>. Он игрок, и не простой игрок, так же как скупой рыцарь Пушкина не простой скупец (Это

вовсе не сравнение меня с Пушкиным. Говорю лишь для ясности). Он поэт в своем роде, но дело в том, что он сам стыдится этой поэзии, ибо глубоко чувствует ее низость, хотя потребность *риска* и облагораживает его в глазах самого себя». «Объем рассказа будет *minimum* (½ печатных листа, но кажется, наверно, два и, очень может быть, что больше» [8, с. 333–334] (курсив Достоевского, подчеркнуто нами. – В. П., «Игрок» написан позже, осенью 1866 г., занимает около 10 печатных листов) [8, с. 564]. Поражает полифония голосов. Голос нужды. Пиетет перед творением Пушкина. Гамма чувств (стыд и низость, риск, благородство). Сближение и дистанцирование от действующего лица будущего «Игрока». Замысел и его поздняя реализация (из-за романа «Преступление и наказание»). Поиски издателей: П. Д. Боборыкин (Библиотека для чтения), не в «Русский вестник» (ссора с М. Н. Катковым), избегать «Отечественных записок» (полемика с А. А. Краевским), можно в «Современник» (хотя там Салтыков и Евсеев подгадят), можно обратиться прямо к Некрасову. Сгущение слов и мыслей.

1869 год. Исповедь униженного и оскорбленного безденежьем женатого мужчины с младенцем за границей (письмо А. Н. Майкову от 16(28) октября 1869 г.). «Неужели он <В. В. Кашпирев> думает, что я писал ему в моей нужде только для красоты слога! Как могу я писать, когда я голоден, когда я, чтоб достать два талера на телеграмму, штаны заложил! Да черт со мной и с моим голодом! Но ведь она <Инна Григорьевна> кормит ребенка, что ж если она последнюю свою теплую, шерстяную юбку идет *сама* закладывать! А ведь у нас второй день снег идет (не вру, справьтесь в газетах!), ведь она простудиться может! Неужели он не может понять, что мне стыдно все это объяснять ему? <...>. Да неужели ж он не понимает, что он не только меня, но и *жену мою оскорбил*, обращаясь со мной так небрежно, после того, как я сам ему писал о *нуждах жены*. Оскорбил, оскорбил!.. О, как бы я ему отплатил! Ведь так только *барин* с своим лакеем обращается! Как с писаришкой каким-нибудь! Он скажет, может быть: «А, черт с ним и его нуждой! Он должен *просить*, а не *требовать*, я не обязан вперед давать» [9, с. 219]. Одни восклицательные знаки! Состояние истерии. Заочный спор с издателем. Возрожденное достоинство. Приписка к письму: «Письма моего не показывайте никому, а Кашпиреву сообщите – смысл письма. Пожалуйста.» [9, с. 221].

Последний год Достоевского (1880). До и после Пушкинской речи. Письмо из Петербурга от 15 января 1880 г. неустановленному лицу (слушательнице высших женских курсов): «Отрицатели Христа, как Спасителя <...> заряжены общей современной болезненной чертой всех интеллигентных русских людей: это легкомысленным отношением к предмету, сомнением необычайным, которое сильнейшим умом в Европе не мыслилось, и феноменальным невежеством в том, о чем судят <...>. Я знаю много отрицателей, перешедших всем существом под конец ко Христу. Но эти жаждали истины не ложно, *кто ищет, тот наконец и найдет*» [10, с. 707]. (Курсив Достоевского, подчеркнуто нами. – В. П.). Финальная и бескомпромиссная вера Достоевского.

Из записной тетради 1880–1881 гг. «*Над Россией корпорации*. Немцы, поляки, жида – корпорации, и себе помогают. В одной Руси нет корпорации, она одна разделена. До и сверх этих корпораций еще и важнейшая: прежняя административная рутина» [10, с. 739] (Курсив Достоевского, подчеркнуто нами. – В. П.). Спорное и не самое благородное суждение Достоевского.

В «Дневнике писателя» воспоминания о современниках-писателях сведены до минимума, но с распознаванием главной (осевой) черты личности. Сближение и отчуждение Белинского и Достоевского (учителя и ученика) сродни психологическому детективу. В очерке «Старые люди» (1873) Достоевский воспринимает Белинского как мечтателя (грех и его молодости), восторженную личность (восторг вызывали то идеи французских социалистов, то философия Гегеля. – В. П.) Достоевского коробило утверждение Белинского, что революционные перемены должны начинаться с атеизма. Реплика зрелого Достоевского: «Общество подло устроено, но зачем моральное низложение христианства?» И далее трогательное повествование о Евангелии из рук жен декабристов. В очерке проскользнуло и суждение о Герцене – продукт нашего барства, русского дворянина и гражданина мира [7, с. 41, 39–43]. В «Дневнике писателя» за 1877 г. две заметки о Н. А. Некрасове. «Лично мы сходились мало и редко. Все эти 30 лет Некрасов занимал много места в моей жизни. В его поэзии никогда не заживающая рана». А мечта заработать миллион (ерничание критиков. – В. П.) – это дно гордости, жажды самообеспечения, потребность оградиться от людей твердой стеной, независимо и спокойно смотреть на них [7, с. 496, 509].

Краткое путешествие по публицистике Достоевского завершено. Почему его правда – как дар для будущих поколений?

Достоевский разный (как каждый из нас, но без амбиций): содержательный и поверхностный, сострадательный и язвительный (без должного уважения к чужому слову и чужой мысли).

Достоевский понятен и не понятен читателю, ему верят и не верят. Один из знаменитых свидетелей – Э. Хемингуэй (см.: Хемингуэй, Э. Собр. соч. : в 4-х томах. – Т. 3. – М. : Худ. лит., 1985. – С. 539/592).

Достоевский своей жизнью и творчеством подтверждает мудрую английскую поговорку: «Прошлое отбрасывает длинные тени» (воспоминания и подсознание).

Достоевский как публицист нес бремя этой профессии: шаткость убеждений (влияние среды и общественного мнения) и сужение горизонта вопросами современников [10, с. 436].

Библиографический список

- Бахтин, М. М. Собр. соч. : в т. 6. Проблемы поэтики Достоевского [Текст] / М. М. Бахтин. – М. : Языки слав. культуры, 2001. – 800 с.
- Бем, А. Л. Исследования. Письма о литературе [Текст] / А. Л. Бем. – М. : Языки слав. культуры, 2001. – 448 с.
- Волгин, И. Л. «Родиться в России...» Достоевский и современники: жизнь в документах [Текст] / И. Л. Волгин. – М. : Книга, 1991. – 607 с.
- Волгин, И. Л. Последний год Достоевского [Текст] / И. Л. Волгин. – М. : Сов. писат., 1991. – 544 с.
- Гаврилова, Л. А. Диалогичность как принцип организации «Дневника писателя» Ф. М. Достоевского [Текст] : автореф. дис. ... канд. филол. Наук / Л. А. Гаврилова. – Ярославль : ЯГПУ, 2016. – 23 с.
- Достоевский, Ф. М. Дневник писателя за 1873 и 1876 гг. [Текст] / Ф. М. Достоевский. – М. – Л. : Госиздат, 1929. – 512 с.
- Достоевский, Ф. М. Дневник писателя. Избранные страницы [Текст] / Ф. М. Достоевский. – М. : Современ., 1989. – 557 с.
- Достоевский. Письма. Т. 1. 1832–1866 [Текст] / прим. ред. А. С. Долинина. – М. – Л. : Госиздат, 1928. – 590 с.
- Достоевский. Письма. Т. II. 1867–1871 [Текст] / под ред. и с прим. ред. А. С. Долинина. – М. – Л. : Госиздат, 1930. – 620 с.
- Достоевский, Ф. М. Избранное [Текст] / Ф. М. Достоевский ; сост., вст. ст и комментарии Т. А. Касаткина. – М. : РОССПЭН, 2010. – 904 с.
- Пекуровская, Ася. Страсти по Достоевскому: Механизм желаний сочинителя [Текст] / А. Пекуровская. – М. : НЛЮ, 2004. – 688 с.
- Померанц, Г. С. Открытость бездне: Встречи с Достоевским [Текст] / Г. С. Померанц. – М. : РОССПЭН, 2003. – 352 с.
- Сараскина, Л. И. Достоевский [Текст] / Л. И. Сараскина. – М. : Мол. гвард., 2011. – 825 с.
- Фрейд, Зигмунд. Хроника-хрестоматия [Текст] / З. Фрейд. – М. : Флинта, 1999. – С. 310–311/412.

Bibliograficheski spisok

- Bahtin, M. M. Sobr. soch. : v t. 6. Problemy pojetiki Dostoevskogo [Tekst] / M. M. Bahtin. – M. : Jazyki slav. kul'tury, 2001. – 800 s.
- Bem, A. L. Issledovanija. Pis'ma o literature [Tekst] / A. L. Bem. – M. : Jazyki slav. kul'tury, 2001. – 448 s.
- Volgin, I. L. «Rodit'sja v Rossii...» Dostoevskij i sovremenniki: zhizn' v dokumentah [Tekst] / I. L. Volgin. – M. : Kniga, 1991. – 607 s.
- Volgin, I. L. Poslednij god Dostoevskogo [Tekst] / I. L. Volgin. – M. : Sov. pisat., 1991. – 544 s.
- Gavrilova, L. A. Dialogichnost' kak princip organizacii «Dnevnik pisatelja» F. M. Dostoevskogo [Tekst] / L. A. Gavrilova : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. – Jaroslavl' : JaGPU, 2016. – 23 s.
- Dostoevskij, F. M. Dnevnik pisatelja za 1873 i 1876 gg. [Tekst] / F. M. Dostoevskij. – M. – L. : Gosizdat, 1929. – 512 s.
- Dostoevskij, F. M. Dnevnik pisatelja. Izbrannye stranicy [Tekst] / F. M. Dostoevskij. – M. : Sovrem., 1989. – 557 s.
- Dostoevskij. Pis'ma. T. 1. 1832–1866 [Tekst] / prim. red. A. S. Dolinina. – M. – L. : Gosizdat, 1928. – 590 s.
- Dostoevskij. Pis'ma. T. II. 1867–1871 [Tekst] / pod red. i s prim. red. A. S. Dolinina. – M. – L. : Gosizdat, 1930. – 620 s.
- Dostoevskij, F. M. Izbrannoe [Tekst] / F. M. Dostoevskij ; sost., vst. st i kommentarii T. A. Kasatkina. – M. : ROSSPJeN, 2010. – 904 s.
- Pekurovskaja, Asja. Strasti po Dostoevskomu: Mehanizm zhelanij sochinitelja [Tekst] / A. Pekurovskaja. – M. : NLO, 2004. – 688 s.
- Pomeranc, G. S. Otkrytost' bezdne: Vstrechi s Dostoevskim [Tekst] / G. S. Pomeranc. – M. : ROSSPJeN, 2003. – 352 s.
- Saraskina, L. I. Dostoevskij [Tekst] / L. I. Saraskina. – M. : Mol. gvard., 2011. – 825 s.
- Frejd, Zigmund. Hronika-hrestomatija [Tekst] / Z. Frejd. – M. : Flinta, 1999. – S. 310–311/412.

¹ Личность и произведения Ф. М. Достоевского идеально подходят для психоанализа, имеющего долгую и тернистую историю. В ней (истории) множество имен со своими версиями. Зигмунд Фрейд вынес окончательный диагноз в эссе «Достоевский и отцеубийство» (1927/28). О Достоевском писал один из пионеров русского фрейдизма

И. Д. Ермаков (1875–1942). Альфред Бем в серии психоаналитических этюдов деликатно применяет «Я» и «Оно» (подсознание) к творчеству Достоевского. Его наблюдения таковы. От запойного чтения книг (Достоевский – гениальный читатель. – А. Б.) фантазии и мечтания. Неограниченное самолюбие и честолюбие. Беда им (молодым литераторам) попасть на зубок старожилам-конкурентам. Робел и терялся при встречах с женщинами. Замкнутая в себе личность [2, с. 245–330]. В монографии «Страсти по Достоевскому» Ася Пекуровская показывает, что сочинитель вел непрекращающийся всю жизнь диспут с подсознанием, что в нем боролись демон и святой, что ему приходилось то уступать своим желаниям (в том числе запретным), то идти на лукавые подмены реального на фантазии, и наоборот. Достоевского отличала бурная и непредсказуемая реакция на причиненные ему обиды и насмешки (реальные и мнимые) [11].

² Такими письмами и, видимо, устными высказываниями молодой Достоевский словно нарочно спешит навлечь на себя обвинения в заносчивости, зазнайстве и саморекламе [3, с. 384]. Как не поверить в горькую правду: «Молодость – это болезнь!» Вхождение в литературу Достоевского происходило в грустное, роковое время.

³ Диво Барсотти (Италия) видит в Достоевском пророка христианства, которое всегда ново, если подлинно. Каждый роман Достоевского нисходит в сердечные бездны, где обитают грех и благодать. См.: Барсотти, Диво. Достоевский. Христос – страсть жизни [Текст] /

Д. Барсотти: перев. с ит. – М.: Паолине, 1999. – С. 20, 21–22, 25/259. Глубоко и искренне верующий в Христа Достоевский вопрошает: «Каков путь к откровению: через интуицию и личный опыт (от старцев и их учеников) или религию, тексты и обряды?» Оставляем для богословов и философов такие темы, как религия и цивилизация, интуиция и разум (от кого идти к Богу: Кант, Ницше?), Бог, Христос, Истина. Но откровение не решает за Человека, что делать в неповторимом конкретном случае. Об этом подробнее, например, у Г. С. Померанца [12, с. 315, 317–318].

⁴ В диссертации Л. А. Гавриловой (ЯГПУ им. К. Д. Ушинского, 2016) обоснован вывод о наличии диалогичности в «Дневнике писателя» за 1876 год. Диалогичность проявляется через исповедь и самосознание, слово читателя и чужое слово, идентифицируемые и не идентифицируемые оппонентами [5].

⁵ В очерке «Мой парадокс» (июнь 1876 г.) Достоевский опережает эпоху риторических распрей между западниками и славянофилами. «Россия есть нечто непохожее, самостоятельное, на Европу не похожее...» [7, с. 255]. От общей констатации он тут же приводит конкретное явление – неразумное истребление леса. Незамедлительно Российское общество раскалывается на два лагеря, отказывающихся от компромисса, взаимных уступок (без покушения на право собственности, во имя общественных интересов). И далее грустная ремарка Достоевского: «И что за всеобщая шаткость, что за неустановившийся взгляд, что за непривычка к делу! И дело станет надолго» [7, с. 253].